

АНЖЕЛИКА ВАДИМОВНА ШТЕЙНГОЛЬД

Тартуский университет

**К проблеме этнолингвистического описания
западнопричудских свадебных чинов:
*клятники – клятник****

Некогда существовавшая на территории Западного Причудья богатая русская свадебная обрядность, своими корнями восходящая к псковскому традиционно-обрядовому канону, к настоящему моменту безвозвратно утрачена. В памяти старожилов сохранились лишь ее слабые отголоски: туманное представление об отдельных составляющих обряда и их ритуальном значении, обрывки традиционных свадебных песен, некоторые приметы, приговоры, разрозненные термины, лишенные внутренней мотивации (*залог, дымничать, пропивать невесту, красота*). К группе обрядовых терминов с неясной этимологией и размытой денотативной отнесенностью принадлежат также лексемы *клятники* (вар. *клетники*) и *клятник*.

Ни одна из приведенных лексем не отмечается в современном русском старожильческом говоре на территории Эстонии, но в фольклорных записях конца 30-х гг. все они присутствуют. Они различаются фонетически (качеством ударного гласного *á/é*), географически (*клятники* — Зап. Причудье, *клетники* — Сев. Причудье), а также семантически (в частности, формы единственного и множественного чисел иногда дифференцированы по значению).

В фольклорно-этнографических записях указанного периода слово *клятники* является наиболее частотным, но при этом оно не встречается в монографии Е.В. Рихтер *Русское население Западного Причудья* [Рих-

* Настоящее исследование осуществлено в рамках российско-эстонского научного проекта “Диалекты Западного Причудья в лингвистическом, лингвогеографическом и культурологическом аспектах” (“Peipsi lääneranniku vene murded lingvistilisest, keelegeograafilisest ja kultuuriloolisest aspektist”) [SFLGR09049E].

тер 1976]. При описании севернопричудской свадьбы автор использует термин *клетники*¹ в значении 'участники свадебного обряда со стороны жениха' [там же, 215], не поясняя при этом: а) половую отнесенность *клетников*, б) их возрастной статус, в) степень родства (или отсутствие такового) с женихом, г) принадлежащие им обрядовые функции. Не приводятся в монографии и фонетические варианты, синонимические соответствия этому слову, образованные от других лексических основ. Форма единственного числа *клетник* также не упоминается.

Для того, чтобы восполнить указанные пробелы, представляется необходимым более подробно изучить имеющиеся фольклорно-этнографические материалы, исследовать обрядовые функции *клетников* и *клетника*, описать семантику данных традиционных терминов, указать на наличие в говоре синонимических рядов, по возможности прояснить этимологию интересующих нас лексем.

В Эстонском литературном музее им. Ф.-Р. Крейцвальда в г. Тарту хранится запись свадебного обряда, имеющая для нашей темы неопценное значение (с некоторыми сокращениями она опубликована Н. Морозовой и Ю. Новиковым в книге "Чудное Причудье" [2007, 162–164]. Эта запись сделана О. Громовой от жительницы дер. Посад Черный (совр. Муствез) А. Пантелеевой в 1938 г. [ERA Vene 12, 578–589]². В ней сообщается о том, что *клетники* (пояснение автора записи — *сваты*), перевязанные через плечо полотенцами, приезжали в дом невесты в день свадьбы вместе с женихом, но входили в дом без него (жених оставался на дворе). При их появлении невесту прикрывали платком. *Клетники* угощали всех присутствующих привезенным с собой вином. Затем один *клетник* оставался с невестой, другой шел за женихом. При восхождении жениха на крыльцо сопровождавший его *клетник* брал плату за каждую ступеньку. Далее от лица жениха *клетники* участвовали в выкупе невесты: "Мы приехали за вашим товаром, покажите товар!.." и т. д. После благополучного завершения торга *клетники* усаживали жениха рядом с невестой на подушки. Затем свадебный поезд отправлялся к венцу. В обязанность *клетников* входило призывание невестиных гостей на свадьбу. По окончании свадебного пира *клетники* укладывали молодых спать, крестя лучинками брачное ложе. На следующее утро они будили молодых и предлагали родителям жениха заплатить выкуп за брачную ночь [там же].

Как видно из данного описания, *клетники* безотлучно находились при молодой паре в течение почти всего свадебного обряда. Можно с уверенностью говорить о том, что первоначально в задачу *клетников* входил магический оберег молодой пары от порчи, несмотря на то, что

в приведенном описании отчетливо магично только перекрещивание постели новобрачных скрещенными лучинками (эти действия должны были предотвратить порчу молодых в самый ответственный момент).

В географически смежных с Муствез населенных пунктах синтагматика и парадигматика обряда уже несколько иная. Элемент вариативности присутствует и в действиях, приписываемых *клятникам*. Функции *клятников* могли осуществляться разными свадебными чинами или же вменяться в обязанность какому-то одному чину. В той же тетради О. Громовой содержится уникальная запись свадебного обряда из дер. Логовесь (другое название — Логоза, совр. Лохусуу), сделанная одновременно с муствезской (1938 г.) [ERA Vene 12, 616–630, ранее не публиковалась]. В целом свадебный сценарий близок вышеописанному, но терминологически текст записи более насыщен. Только со стороны жениха в действие вовлечены *клятники* и *шафера*, *сватова*, *клятник*, *поезжане* и другие чины.

Так, родственники жениха, имитирующие ритуальное воровство еще не выкупленного приданого невесты, именуется *шаферами*. Они же будят молодых после первой брачной ночи. Один из *шаферов* караулит невесту по приезде к ней в дом (“штоб яна ня убяжала”). Молодые люди, которые “топчут и мнут яму [жениху] кровать” накануне свадьбы, называются *пóдружками*. Главным распорядителем свадьбы выступает *клятник*; он же иногда имеет эпитет *старший*. А представители жениха, участвующие в выкупе невесты и сопровождающие молодых к теще на яичницу во второй день свадьбы, именуется *сватова*: “...сватова вваливаются в избу, ня снимая шапок, ударяя кнутом по стенам”; “...сватова едут к тещи на яишницу”. Совершенно непонятно из текста записи разделение обрядовых ролей *клятников* и *шаферов*, которые нередко именуется фразеологизированным словосочетанием, то есть как однородная общность, напр.: “После етаво [благословения] трогается поезд. Впереди едут *клятники* и *шафера* — люди «ожалые и бывалые» (комментарий автора записи — *пожилые*), в середине поезда сам жених, а за ним яво *други*”. И далее: “*Клятники* и *шафера* заезжают к невесты, а жених едит в церковь”. В отличие от выражения *шафера*, слово *клятники* отдельно (вне словосочетания) не употребляется.

Трудно догадаться также о составе и назначении группы лиц под названием *други* (они же *пóдружки*), которые наряду с *клятниками* участвовали в оформлении свадебной игры. Известно, в частности, что они входили в число *поезжан* и помещались в последних санях свадебного поезда.

В записях обряда, сделанных в Муствезе годом позже при участии других информантов, наблюдается отчетливое смешение функций *дружки* и *свата*, *дружек* и *поезжан*. Главным распорядителем на свадьбе уже выступает *сват*, а его помощники со стороны жениха именуются *дружками* [ERA Venet 14, 157–179]. Еще в одном описании свадьбы, сделанном в 1936 г. В. Егоровым в Кольках (совр. Колькья), отмечается, что ходом свадьбы руководил *дружка*; *клятники* и *сваты* не упоминаются совсем [ERA Venet 8, 381–383].

Пытаясь соотнести контекстуально угадываемые роли с выявленным кругом обрядовых наименований лиц, мы сравнили разные описания состава свадебных поездов. Предполагалось, что порядок следования свадебных чинов в поезде является фиксированным и находится в соответствии с их обрядовой значимостью. Однако данное предположение не оправдалось: состав свадебного поезда, как и порядок расположения чинов в санях, если верить источникам, мог сильно варьироваться. Одно из таких описаний, достаточно сильно отличающееся от лохусууского, обнаруживаем в уже упомянутой монографии Е.В. Рихтер: “В первых санях ехал *дружка*, во вторых — жених со *сватом*, затем *поезжане* — родня и друзья жениха” [1976, 210]. Нет оснований безоговорочно опираться на приведенный здесь перечень участников свадебного кортежа, поскольку неизвестно, является ли используемая исследовательницей терминология местной, народной, или же она отвечает требованиям стандартизованного научного описания. Усредненный результат, полученный при сопоставлении всех описаний поездов, был учтен при составлении “портретов” изучаемых персонажей.

После анализа всех доступных нам записей свадебного обряда мы можем сделать вывод о том, что терминологическое смешение (*клятники* = *шафера* = *сваты* = *дружки* = *друзи*; *клятник* = *сват* = *дружка*) свидетельствует о факторах разного уровня и разной значимости, напр.:

- 1) об историческом размывании границ между разными чинами (то есть о перераспределении между ними ритуальных полномочий);
- 2) об акцентировании говорящим ритуальной роли участника в зависимости от обрядовой ситуации (то есть один и тот же участник ситуативно может наделяться разными наименованиями);
- 3) об идиолектных различиях информантов.

Исходя из изложенных соображений и опираясь на контексты, попытаемся реконструировать характеристики и функции указанных действующих лиц (*клятники/клятник*).

Клятники:

1. То же, что *клятники и шафера, шафера, сваты, сватова*. Только родня жениха, мужчины зрелого возраста и даже пожилые. Ехали в первых санях свадебного поезда. Основные функции³: распорядительная (ведущая в оформлении обряда), апотропейная, сопроводительная.
2. То же, что *подруги, други, дружки*. Мужская родня и друзья жениха. Представители разных возрастных групп, но, скорее, молодого поколения. Ехали в последних санях, завершающих поезд. Основные функции: вспомогательная в оформлении обряда, сопроводительная, апотропейная.

Клятник:

То же, что *старший клятник, сват, дружка*. Ближайший родственник жениха (“дядюшка, двоюродный брат, сестрин муж”), но никогда не родной брат. Ехал в первых или во вторых санях, нередко рядом с женихом. Ему принадлежала ведущая распорядительная и охранительная функция.

Выделение функциональных признаков обрядовых денотатов помогает сделать следующие выводы: а) признаки денотата “очерчивают” обрядовую роль и помогают установить семантические границы понятия; б) важно различать обрядовую роль и наименование этой роли (напр., в Лохусуу выделяется старший распорядитель и две категории его помощников; в Муствез различия между всеми ролями стерто, а обязанности чинов поделены поровну между всеми членами клана жениха); в) словом *клятники* на географически ограниченной территории именовались как представители жениха высокого ранга, тождественные *сватам* (ср. люди “хожалые и бывалые”, которые осуществляли досвадебный сговор и сватовство и, вероятно, посещение тещи на второй день свадьбы), так и представители низшего ранга (*дружки*). Первые олицетворяли только близкую родню жениха, вторые включали в свой состав родственников из молодежи и друзей и символизировали клан мужчин в целом.

В этимологическом отношении слово *клятник* не вполне прозрачно. На первый взгляд, близость к глаголу *клясть* ‘произносить проклятие, заклинать’ (прасл. **kletī*) кажется неоспоримой, поскольку в функцию *клятника* входила магическая охрана молодых (ср. кур. *клябвобать* ‘заклинать или знахарить, напускать порчу’ [Даль 1981–1982 II, 124]). Однако знакомство с наименованиями свадебных чинов соседних регионов показывает ошибочность такой этимологии. На Русском Севере и в

северо-западных областях России широко представлен термин *клетник*, искажением которого и является наше слово.

Ср.: *клетник*, *клетник* — 1. в свадебном обряде — дружка (со стороны жениха), который охраняет молодых ночью, разъезжая около помещения, где они спят (Олон., Пск., Север.); распорядитель на свадьбе (Пск., Олон.). 2. колдун, знахарь оберегающий молодых на свадьбе (Пск., Олон., Север., Арх.) [СРНГ 13, 286]. Те же значения — ‘дружка, свадебный чин, почетный страж, стерегущий молодых в клетки, колдун, знахарь, оберегающий молодых от порчи’ — фиксирует “Словарь русского языка”⁴ [СлРЯ VI/4, 1099; см. также Даль 1981–1982 II, 121], а еще ранее — “Словарь церковнославянского и русского языка” [СЦРЯ II, 180]. Живое употребление этого слова отмечается в Пинежье, в Гдовском уезде и в Карелии еще в конце XIX в. [Ефименко 1878, 75–76; ИСС; Зеленин 1941, 110]. Во всех этнографических материалах подчеркивается, что в функцию *клетника* (он же *везливой*, *краульщик*, *сторож*, *ведун*, *опасной* и др.) входила охрана молодых и свадебного поезда от сглаза и порчи [Зеленин 1991, 341]. В особенности ответственна была его роль стража перед дверями *клетки*⁵.

Таким образом, проведение внутренней реконструкции демонстрирует генетическую зависимость *клетник* от *клеть* (др.-рус. *кѣть*). Мена корневого вокализма (*é > á*) вызвана формальным сближением с *клясть* или же является отражением яканья при ударении, переместившемся с корня на суффикс, а затем снова вернувшемся на корень: *клетник > клетник > клетник > клетник*. Случай “плавающего” ударения для данного фонетического слова отмечается в записях О. Громовой (*клетник*), ср. также сев. *клетник* [Даль 1981–1982 II, 121] и пск. *клетники* [ПОС 4, 111, см. *волк*].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этнографический источник этих сведений нами пока не выявлен.

² При ссылке на архивные материалы указывается архив (ERA), фонд (Vene), номер папки и соответствующие страницы.

³ Функции перечисляются в порядке значимости.

⁴ Подчеркнем, что IV том указанного издания выходил под редакцией Д.К. Зеленина, проявлявшего повышенное внимание к точности отражения семантической стороны традиционных народных терминов.

⁵ *Клеть* — холодная часть избы, небольшое неотопляемое помещение, в котором осуществлялась дефлорация невесты, — маркированный локус в период свадьбы, особо проняпаемый для нечисти и колдунов.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Даль В.И., 1981–1982: *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва.
- Ефименко П.С., 1878: Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, in *Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Труды отделения этнографии*, кн. 5, вып. 2. 74–86.
- Зеленин Д.К., 1941: О старом быте карел Медвежьегорского района Карело-Финской ССР, *Советская этнография*, № 5. 110–125.
- Зеленин Д.К., 1991: *Восточнославянская этнография*. Москва.
- ИСС: Воскресенский погост в Павлове. Гдовский уезд. Церкви первого благочиннического округа, in *Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Деревенские святыни Северо-Запада России*: http://www.countrysite.spb.ru/ISS/content_ISS.htm (03.12.10).
- Морозова Н., Новиков Ю., 2007: *Чудное Причудье*. Фольклор староверов Эстонии. Тарту.
- ПОС = *Псковский областной словарь с историческими данными*. Ленинград. Санкт-Петербург, 1967–.
- Рихтер Е.В., 1976: *Русское население Западного Причудья*. Таллин.
- СлРЯ = *Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук: А–обезоруживать*. Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград, 1891–1929.
- СЦРЯ = *Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук*. Санкт-Петербург, 1847.
- ERA = Архив эстонского фольклора (Eesti rahvaluule arhiiv). Эстонского литературного музея им. Ф.-Р. Крейцвальда. Тарту.

E-mail: steingold@mail.ru

Ноябрь 2010 г.

ANZHELIKA SHTEINGOLD

On the Problem of an Ethnolinguistic Description of the Wedding Ceremony Participants on the Western Coast of Lake Peipsi: *klyatniki* – *klyatnik*

On the Western coast of Lake Peipsi in Estonia, the traditional Russian wedding ceremony is already lost. But the ethnographic data collected in Estonian Literary Museum in Tartu shows that it was still alive in the 1930s. Depending on the location and style of the wedding, the group of wedding ceremony participants may have included: 1) a chief male assistant to the bridegroom (*klyatnik*), 2) male attendants to the bridegroom (*klyatniki*). However, the ritual features and functions of *klyatnik/klyatniki* as well as the etymology of these designates are not defined distinctly. This article helps to fill the gaps in our knowledge about traditional culture and language of rural Russian-speaking population in Estonia.